

УДК 37:82 (Образование. Воспитание. Обучение. Художественная литература. Литературоведение)

РАБОТА НАД ЯЗЫКОМ ПОВЕСТИ Н.В.ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

© 2016 О.Ф.Ефремова

Ефремова Ольга Федоровна, учитель русского языка и литературы. E-mail: efremovs@samaradom.ru

Гимназия № 1 г.о. Самара. Россия

Сразу после прочтения учениками повести Н.В.Гоголя «Шинель» мы предложили им в форме свободного рассуждения ответить на ряд вопросов и поделиться своими впечатлениями, рассказать о тех чувствах и мыслях, которые возникли у них во время чтения. Вопросы для выявления первичного восприятия были составлены таким образом, что позволяли контролировать точность или произвольность читательских эмоций по отношению к прочитанному и уровень постижения содержания произведения. 1) Какое отношение вызывает у вас главный герой повести? 2) Каким вы представляете Акакия Акакиевича? 3) Почему автор называет генерала «значительное лицо», а не по имени? 4) Какие эпизоды показались вам смешными, какие грустными? 5) С какой целью, на ваш взгляд, Гоголь дает реалистической повести фантастическое окончание? 6) Над какими вопросами вы задумались, прочитав повесть? Анализ восприятия учащимися текста повести Гоголя подтолкнул нас к мысли попробовать осуществить на практике элементы технологии работы с художественными текстами, разработанной Н.Л.Мишатиной и названной ею «*технологией лингвоконцептоцентрического подхода*», который, по мысли исследователя, обеспечит изучение языка и овладение речью в контексте культуры путем координации различных уровней владения языком, как вербально-семантического, лингвокогнитивного и мотивационного.

Ключевые слова: уроки литературы в школе; первичное восприятие текста учащимися; анализ; элементы технологии по работе с художественными текстами в школе; уровни изучения языка и владения речью.

Темы, связанные с изучением жизни и творчества Н.В.Гоголя, вызывают затруднение на протяжении всего школьного курса литературного образования. Нельзя не согласиться с мнением методистов, что глубокое понимание образов, созданных Гоголем, оказывается весьма сложным для школьников. Большинство работ (более 80%) свидетельствует о том, что повесть в гимназии была прочитана учащимися 8-х классов и у 56% прочитавших вызвала не совсем внятный эмоциональный отклик и отсутствие желания особо размышлять о прочитанном, т.к. им было «все понятно».

5% написавших отзывы на повесть попробовали вникнуть в содержание произведения, проявили интерес к некоторым стилистическим особенностям. Например, один из таких читателей писал: «Мое отношение к Акакию Акакиевичу менялось во время чтения повести. Сначала автор, описывая героя, иронизировал по поводу его имени и внешности, и мне было смешно, но потом я понял, что этот человек очень безобидный и боится всех, кто выше его чином, а таких очень много. Я понял, что человек и его положение не могут служить поводом для насмешек и демонстрации своего могущества за счет слабого. Генерал не разглядел в Башмачкине своего брата. Он ду-

мал, что является важным чиновником, вот Гоголь и смеется над ним, называя “значительным лицом”. В повести есть смешные моменты: крестины младенца и все эти имена, одно хуже другого, встреча призрака с генералом. Справедливо, что генерал был наказан; но это в повести с фантастическим концом, а в реальной жизни вряд ли будут восстанавливать справедливость призраки. И что же получается, что такие генералы всегда безнаказанно могут издеваться над слабыми людьми и творить зло на земле?» Характерно, что такие учащиеся акцентировали внимание на проблемах взаимопонимания людей, конфликте человека и общества.

18% учеников достаточно подробно изложили сюжет повести без попыток передать впечатление от прочитанного. Другие работы отличает схематизм, произвольная трактовка текста, а то и искажение авторского смысла. Таким образом, большинство юных читателей осталось невосприимчивым к авторскому слову. Так, одна из учениц пишет: «В повести “Шинель” Гоголь рассказал о жизни самого обыкновенного, бедного человека. У него было некрасивое имя, неинтересная внешность и скучная работа, которая ему нравилась. Над ним все шутили, он же терпел и ни на кого не обижался, потому что был покор-

ным. Автор рассказал нам о Башмачкине, чтобы мы знали, что есть и такие люди, а не только красивые дамы и их защитники, как в приключенческих романах. “Значительными лицами” в России называли людей, занимавших высокие посты; и вот один из них – его правдиво описал Гоголь – решил показать другу, какая он важная персона, и воспользовался подвернувшимся под руку Акакием Акакиевичем как каким-то бездушным экспонатом (а ведь он тоже человек!) и в конце концов стал причиной его смерти. Правда, призрак отнял все-таки у генерала шинель, но вот откуда он взялся? Может, слухи распускали обыкновенные грабители, чтобы было страшнее? Тогда непонятно, почему перестали грабить после того, как “значительное лицо” лишилось шинели. Вот над каким вопросом я задумалась, прочитав повесть». Ученица постоянно сбивается на пересказ, ответ демонстрирует слишком буквальное восприятие текста. Она поняла сюжет повести, но не смогла разглядеть за видимым сущее, отождествляя жизнь и искусство. Яркое подтверждение тому – вопросы, на которые ученица хотела бы получить ответы. Фантастические допущения Н.В.Гоголя сбивают неопытных читателей на размышления типа: было или не было, как такое могло произойти, причем размышления идут на уровне восприятия жизненных реалий, а не на уровне освоения художественного текста.

Вот другая работа: «Повесть вызвала у меня какие-то странные чувства. Мне стало жалко всех ее героев: и бедного неразвитого Акакия Акакиевича, который один раз за всю свою неинтересную жизнь чего-то захотел, о чем-то помечтал, причем о такой малости – о шинели, и так пострадал за свою мечту. Жалко и “значительное лицо”, он ведь несчастный человек из-за того, что хочет быть похожим на генерала, а не на самого себя (скорее всего, поэтому автор не называет его по имени). Я представила, какой сложной была жизнь Петровича: сначала крепостной, потом всю жизнь работает за копейки и пьет – единственное возможное для него развлечение. И самое грустное, что таких людей много и изменить сложившееся положение вещей может разве что какое-нибудь чудо, например, такое, какое придумал Гоголь в конце повести. Он сделал так, что Акакий Акакиевич вернулся в Петербург после смерти и разобрался со своим обидчиком. Повесть “Шинель” грустная, особенно если подумать, что настоящая, интересная жизнь проходит мимо этих людей». Здесь выводы о смысле повести сделаны исключительно на основе эмоционального отклика, они не отличаются глубиной понимания художественного текста.

После изучения письменных работ мы получили результаты, которые для удобства восприятия сведены в таб.1, таб.2.

Таб. 1. Уровень первичного восприятия учащимися повести
(Level of primary perception by pupils of the story)

Эмоциональный отклик			Уровень постижения содержания			
Читатели			Сюжетно-репродуктивный	Сюжетно-образный	Аналитический	Концептуальный
	Точный	Произвольный				
47 – 100%	8 – 18%	35 – 82%	35 – 82%	7 – 13%	4 – 5%	

Таб. 2. Показатели уровня восприятия учащимися повести после работы над ней в классе
(Indicators of level of perception by pupils of the story after work on it in a class)

Эмоциональный отклик			Уровень постижения содержания			
Читатели			Сюжетно-репродуктивный	Сюжетно-образный	Аналитический	Концептуальный
	Точный	Произвольный				
47 – 100%	40 – 85%	7 – 15%	6 – 13%	21 – 44%	14 – 30%	6 – 13%

Анализ восприятия учащимися текста повести Гоголя подтолкнул нас к мысли попробовать осуществить на практике элементы технологии работы с художественными текстами, разработанной Н.Л.Мишатиной и названной ею «*технологией лингвоконцептоцентрического подхода*», который, по мысли исследователя, обеспечит изучение языка и овладение речью в контексте культуры путем координации различных уровней владения языком, как вербально-семантического, лингвокогнитивного и мотивационного [1].

В соответствии с принципом диалогизма М.М.Бахтина язык как достояние индивида формируется на основе освоения чужих текстов. Эта мысль развивается Б.М.Гаспаровым в его рассуждениях о «языковой памяти» и «языковой цитации», о языке «как среде интеллектуального обитания», о процессе развития языковой личности как процессе освоения – более или менее творческого – чужих слов (а не слов языка) [2].

В широком плане, цель использования данной технологии – дать подростку общее представле-

ние о богатстве и выразительности «вселенной русского языка», показать необходимость постоянно вглядываться в явления языка, в великие художественные произведения русской классики и учить наблюдать сложную картину человеческих чувств, настроений и состояний. В рамках интегрированного урока «литература-русский язык» в девятом классе мы хотим продемонстрировать возможности акцентирования внимания юного читателя на одной из особенностей использования писателем богатства и выразительности русского языка, в частности, – глаголов лексического ряда «видеть, смотреть». Так как методическое осмысление литературоведческой составляющей интегрированного урока широко представлено в различных источниках, мы остановимся на содержании лингвистического комментария к повести.

В повествовании об Акакии Акакиевиче обращает на себя внимание частое употребление слов со значением «видеть» и антонимичных «не видеть», «не обращать внимания», в этот ряд входит и вводное слово «видно», не случайно употребляемое в тексте.

При изучении повести Н.В.Гоголя «Шинель», на наш взгляд, важно обратить внимание учащихся на этот лексический ряд, определить, кто и что видит (или не видит), и как это характеризует героев повести, а также как в этой системе разных точек видения проявляется авторская оценка. Эта исследовательская деятельность поможет восьмиклассникам лучше понять шедевр великого писателя.

Описывая внешность главного героя, повествователь сообщает, что «чиновник нельзя сказать, чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат...». Эта черта – «на вид подслеповат» – подчеркивается на протяжении всего повествования и выражается с помощью выражений «не глядя», «не замечая», «не обращал внимания».

В течение всей жизни, день за днем, Акакий Акакиевич не видит окружающего мира: ни людей, ни улиц Петербурга, ни дома, в котором живет. Вот герой на службе: «...брал...бумагу, не глядя, кто ему подложил и имел ли на то право». Вот он дома «садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи ... вовсе не замечая их вкуса, ел все это с мухами и со всем тем, что ни посылал Бог на ту пору». А вот на улице: «...ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день», его измазали сажей,

обсыпали известкой, но «он ничего этого не заметил». И когда его жизнь озарилась появлением новой шинели, автор почти дословно повторяет, что «дороги он не приметил вовсе и очутился вдруг в департаменте». А что же он все-таки видит?

Прежде всего, Акакия Акакиевича видит бумаги, которые он переписывает: «Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир». И на улице он, «если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки», и редко «замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы». Таким образом, слова «глядеть» и «видеть» становятся антонимами, что передает авторскую оценку – подслеповатость героя. Это не только плохое зрение, но, прежде всего, замкнутость жизни, отсутствие интереса к ней.

С момента обнаружения прорех в верхней одежде в описании поведения героя появляются слова «видеть», «увидеть». Насколько расширяется поле зрения героя, становится понятно, если проследить за его взглядом: «...увидевши, в чем дело, Акакий Акакиевич решил, что шинель нужно будет снести к Петровичу, портному.», «увидел Петровича, сидевшего на широком деревянном некрашеном столе», «ему бросился в глаза большой палец, моток шелку и ниток ... какая-то ветошь». Мир, который он видит, очень-очень мал, и в этом крохотном мирке большой палец ноги Петровича с изуродованным ногтем – заметное и очень известное явление для Акакия Акакиевича, взгляд которого всегда направлен вниз. Причем, можно заметить перемещение взгляда: большой палец с изуродованным ногтем, моток шелку на шее, ветошь на коленях. Далее к этим, как будто бы малозначительным, даже излишним, подробностям добавляется и круглая табакерка «с портретом какого-то генерала, какого именно, неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четверугольным лоскуточком бумажки». Герой умеет видеть, умеет замечать смешное и нелепое вокруг. Только автор-повествователь видит символику в образе «генерала с заклеенным бумажкой лицом». При слове «новую» у Акакия Акакиевича «затуманило в глазах, и все, что ни было в комнате, так и пошло пред ним путаться. Он видел ясно одного только генерала с заклеенным бумажкой лицом, находившегося на крышке Петровиной табакерки». Поскольку Петрович к этому времени уже спрятал табакерку, понятно, что Акакий Акакиевич мысленно «видит ясно» то, чего в яви уже нет, но сбудется в его реальной жизни. Дважды в

повести слово «увидел» употреблено в значении «осознал», «понял». И это тоже связано с судьбой шинели: «Здесь только он начал собирать мысли, увидел в ясном и настоящем виде свое положение...», «Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись».

Через употребление слов со значением «видеть» автор показывает возможность в новых условиях оживания героя, расширение поля его зрения: «...огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, куницу на воротник?»; «...в швейцарской он скинул шинель, осмотрел ее кругом...»; «... скинул шинель и повесил ее бережно на стене, налюбовавшись еще раз сукном и подкладкой, и потом нарочно вытащил, для сравнения, прежний капот свой ... взглянул на него, и сам даже засмеялся...»; «...пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одетые, на мужчинах попадались бровровые воротники, реже встречались ваньки ... напротив, все попадались лихачи ... пролетали улицу, визжа колесами по снегу, кареты с убранными козлами. Акакий Акакиевич глядел на все это, как на новость».

На самом деле в мире Акакия Акакиевича ничего не изменилось: просто вместо букв и бумаг взгляд героя сосредоточен на шинели, на бровровых воротниках, на малиновых бархатных шапках и т.д. «Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на каком-нибудь вечере», но теперь он, казалось бы, изменил свой образ жизни. Вот он «остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину», но и на картине, и потом, в квартире чиновника, замечает только вещный мир: «увидел на полу целые ряды калош», «шинели да плащи, между которыми некоторые были даже с бровровыми воротниками или с бархатными отворотами», «длинную струю света во всю дверную щель», поднос с «опорожненными стаканами, сливочником и корзиною сухарей», и – с ужасом – свою шинель, лежавшую на полу. Окружающий Акакия Акакиевича мир скучен, бездуховен и поэтому то смешон, то страшен.

Дважды в повести взгляд героя поднимается выше, он смотрит в лица, но лиц не видит. В гостях у чиновника Акакий Акакиевич «смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно». Во второй раз, возвращаясь домой, «шел, закрыв глаза, и, когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с

усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить. У него затуманило в глазах и забило в груди». Внимательно изучая «точку видения» своего героя, автор постоянно дает ему оценку, чтобы читатель услышал «Я брат твой», увидел себя со стороны, чтобы в его поле зрения попали не вещи, а живые люди, нуждающиеся в помощи.

Забитый, бесправный титулярный советник, «стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа, какая только в нем была», не увидел ни кресел с откидными спинками, которые описывает повествователь, ни значительное лицо с приятелем, сидящих в этих креслах, ни даже пола, на котором стоял. «Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять...». В предсмертном бреду Акакий Акакиевич как бы вновь проживает главные события своей жизни: видит Петровича, шинель, воров, свой капот и снова шинель. И перед смертью героя «можно было только видеть, что беспорядочные слова и мысли ворочались около одной и той же шинели».

Акакий Акакиевич не видит вокруг себя ничего, кроме букв и бумаг, которые переписывает, но и его товарищи по службе, на первый взгляд, более внимательные к окружающим, видят, по сути, то же самое: чиновник «простирает до того проницательность своего бойкого взгляда», что «замечает даже, у кого на другой стороне тротуара отпоролась внизу панталон стремешка». Гротеск, использованный автором при создании этого собирательно образа, подчеркивает абсурдность такой «внимательности»: это смешно, поскольку характеризует человека как ограниченного и пустого, не имеющего ничего за душой. И лишь однажды молодой чиновник, «который, по примеру других, позволил было себе посмеяться» над героем, единственный обратил свое внимание на «человеческую душу»: «... вдруг остановился, как будто пронзенный, и с тех пор как будто все переменилось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей. И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу...».

Исключительность молодого чиновника подчеркивает безжалостность и бесчеловечность большинства. Так читателю становится ясно, что Акакий Акакиевич с его узким кругозором даже лучше других чиновников, потому что безобиден и не претендует на то, чтобы выглядеть лучше, чем он есть.

Особое место в повести занимает история создания – пошива, примерки и, наконец, выхода в ней на улицу – самой шинели. Портной Петрович одноглазый: «Петрович прищурил на него очень пристально свой единственный глаз», «...покосил свой глаз на руки Акакия Акакиевича, желая высмотреть, какого рода добычу тот нес», «... обсмотрел в то же время своим единственным глазом весь вицмундир его, начиная с воротника до рукавов, спинки, фалд и петлей, — что все было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы». Петрович видит только вещи, которые ему приносят для починки: «Понюхав табак, Петрович растопырил капот на руках и рассмотрел его против света и опять покачал головою». Портной внимательно рассматривает капот, но ни разу не посмотрит на Акакия Акакиевича. То же повторяется в эпизоде, когда будет сшита новая шинель. «Вынувши шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках, набросил весьма ловко на плечи Акакия Акакиевичу; потом потянул и осадил ее сзади рукой книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько нараспашку. Акакий Акакиевич, как человек в летах, хотел попробовать в рукава; Петрович помог надеть и в рукава, — вышло, что и в рукава была хороша. Словом, оказалось, что шинель была совершенно и как раз впору». Более того, портной вышел вслед за клиентом и «долго еще смотрел издали на шинель и потом пошел нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть еще раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо». В начале эпизода автор не уточняет, на что посмотрел Петрович, просто употребляя данное слово, но в конце отрывка становится понятно, что «посмотреть еще раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо» - значит полюбоваться шинелью с разных сторон. Выражение «прямо в лицо» подчеркивает, что лицо есть даже у вещи, но лицо Акакия Акакиевича так и осталось вне поля зрения и Петровича, и всех остальных героев повести.

Эпизодический персонаж, частный пристав, к которому обратился Акакий Акакиевич за помощью, тоже характеризуется «точкой видения». «Частный принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели. Вместо того, чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме». Почему частный пристав не обратил внимания на

главное, что проситель ограблен, понятно, ведь он является частью системы. Чиновники – частный пристав – значительное лицо – вся российская чиновничья иерархия показана в повести «Шинель», и на их фоне Акакий Акакиевич кажется бедным, несчастным и даже вызывает сочувствие, потому что забывается его скудный внутренний мир, а вспоминается только «Я брат твой».

«Значительное лицо», к которому Акакий Акакиевич обратился за помощью, «смотрел очень значительно в лицо тому, которому говорил». Проследим за его взглядом, и откроется та же пустота и бесчеловечность, только «выросшие» вместе с чином: «...увидевши смиренный вид Акакия Акакиевича и его старенький вицмундир, он оборотился к нему вдруг и сказал: "Что вам угодно?" — голосом отрывистым и твердым, которому нарочно учился заранее у себя в комнате...». Хотя чиновник и смотрит на Акакия Акакиевича прямо, видит, кто перед ним, видит его бедственное положение и покорность, он не интересуется посетителем: «Значительное лицо, кажется, не заметил, что Акакия Акакиевичу забралось уже за пятьдесят лет...». Он «искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх». Автор не дает имени этому персонажу, поскольку так ведут себя все всегда в чиновничьем мире, тут все человеческое и живое давно утрачено, подчинено единственной цели – изображению личного величия. В фантастическом продолжении повести значительное лицо вдруг обретает способность видеть: «Но ужас значительного лица превзошел все границы, когда он увидел, что рот мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнес...». Только страх способен заставить значительное лицо взглянуть в лицо человеку.

Таким образом, Гоголь незаметно для читателя подсказывает ему, как важно уметь смотреть вокруг и видеть то важное, что есть в жизни. С грустной иронией он смотрит в начале повести на «всякого рода департаменты» и нравы, царящие там. Но тон повествования сменяется, поскольку автор видит, как тяжело жить бедному человеку, когда никто не хочет видеть в нем человека. Только автор-повествователь видит, как герой «печальный побрел в свою комнату и как он провел там ночь», потому что никому, кроме него, нет дела до страданий маленького человека. Только он заметил, как «закрывал себя рукою

бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости...»/ Трагически звучат слова автора: «Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное»/ Именно ав-

торское «всевидение» помогает понять характер каждого героя, обнажить скрытое: те, над кем смеются, ничуть не мельче и не хуже тех, кто смеется. Общая беда людей – неумение видеть человека. Чтобы изменить жизнь к лучшему, каждому нужно научиться видеть человека.

1. Мишати́на, Н.Л. Диалог с культурными концептами в 5–11 классах (русский язык, литература, развитие речи): учебно-методическое пособие для учителя. СПб., САГА–НАУКА, 2004. С. 181–188.
2. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М., НЛЮ, 1996. С. 14–15.
http://provizitku.ru/yourisprudenciya/freqw/gasparov_b_m_jazyk_pamjat'_obraz_lingvistika_jazykovogo_suhhestvo_vanija_m_1996_350_s.html
3. Большая советская энциклопедия: Гоголь Николай Васильевич.
http://www.publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GOGOL'_Nikolay_Vasil'evich/_Gogol'_N.V.html

IN-DEPTH LANGUAGE STUDY OF THE STORY "OVERCOAT" BY N.V.GOGOL AT SCHOOL LITERATURE LESSONS

© 2016 O.F.Efremova

Olga F. Efremova, teacher of Russian and literature. E-mail: efremovs@samaradom.ru

Gymnasium No. 1 of the City district. Samara, Russia

After students have read the story "Overcoat" by N.V.Gogol " they were asked to answer a number of questions in the form of free discourse, to share their impressions and to tell about the feelings and thoughts which the story aroused in them. Questions for assessment of primary perception were made up in a way that allowed to check the accuracy or arbitrariness of the reader's emotions in relation to what they have read and the level of comprehension of the contents of the work. 1) What is your attitude to the main character of the story? 2) What, do you think, Acacius Akakiyevich is like? 3) Why does the author call the general "a person of importance", and not by the name? 4) What episodes seemed to you ridiculous and what - sad? 5) What was, in your opinion, Gogol's aim in giving a fantastic ending to a realistic story? 6) What questions came to your mind after reading the story? The analysis of the pupils' perception of Gogol's story spurred us to try some elements of work with literary text technology, developed by N. L. Mishatina. The technology, called by the author "linguistic concept-centered approach", will ensure learning the language and mastering the speech in the context of culture by coordination of various levels of proficiency in language, at verbal and semantic, linguo-cognitive as well as at motivational level.

Keywords: literature lessons at school; primary perception of the text by pupils; analysis; elements of technology for work with literary texts at school; levels of proficiency in language and mastering of the speech.

1. Mishatina, N.L. Dialog s kul'turnymi kontseptami v 5–11 klassakh (russkii iazyk, literatura, razvitie re-chi): uchebno-metodicheskoe posobie (Dialogue with cultural concepts in 5-11 classes (Russian, literature, development of the speech): study guide for the teacher). SPb., Saga-Nauka, 2004. 256 s. S. 181–188.
2. Gasparov, B.M. Iazyk, pamiat', obraz: lingvistika iazykovogo sushchestvovaniia (Language, memory, image: linguistics of language existence). M., "Novoe literaturnoe obozrenie", 1996. 352 s. S. 14–15.
3. Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia: Gogol' Nikolai Vasil'evich (Great Soviet encyclopedia: Gogol Nikolay Vasilyevich).
http://www.publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GOGOL'_Nikolay_Vasil'evich/_Gogol'_N.V.html